

Джафарова Лана

17 лет

П. Вербилки

Россия

Качели

Скрипучие старые качели катали меня взад-вперёд, взад-вперёд...

Я крепко держалась, чтобы не упасть. А скрипучие качели лениво подавались вперёд и тут же катились назад, намекая на то, что скоро уже остановятся. Но я ногой отталкивалась, поэтому они продолжали своим страдальческим скрипом напоминать о том, как больно и тяжело им катать людей.

Я слышала, я чувствовала, как тяжело им. Их срок годности давно истек, но сегодня я была тем, кто заставляет их жить. Когда-то давно, а может даже относительно недавно - каждый считает годы по-своему - я приходила к бабушке в больницу. Мой дедушка - врач. И я всегда гордилась этим, ведь он спасает людям жизни. Но в тот день, когда я пришла к нему и увидела в одной из палат девушку, моё слепое восхищение им было подорвано.

Девушка была больна, наверное, очень сильно, потому что создавалось ощущение, что ей становилось больно даже от того, что она просто смотрела на свет. Кажется, что она была доведена до такого состояния, что не могла самостоятельно дышать, не говоря уже о возможности шевелиться.

Её жизнь поддерживали трубки, иглы и странные телевизоры, которые показывали лишь пару дергающихся полосок. Женщина в белом халате делала какие-то странные записи в блокнот, наблюдая за показателями ещё более странных штук, которые цеплял к бедной больной мой дедушка.

Честно говоря, я не видела её лица, потому что все закрывала большая трубка, в которую она дышала, но глаза её показывали все её страдания и физическую боль, что она испытывала.

Мой дедушка больше не был всемогущим волшебником, который спасал людям жизни. Он не был мудрым и справедливым. Мой дедушка жестоко мучил ту девушку, которой так сильно хотелось перестать страдать и, наконец, закрыть глаза. Мой дедушка не давал её сердцу остановиться. Он продолжал его пытаться...

Та девушка уже давно скончалась, а мои слёзы, выплаканные по ней, испарились. Было обидно вот так взять и разочароваться в человеке. И, что бы мне потом ни объясняли родители, я всё равно не могла понять... Мой дедушка же врач, он же должен спасать людей, избавлять их от боли, почему же он не помог той девушке сразу?..

Наверное, она была крайне несчастна перед своей смертью.

Когда я подросла, я узнала о том, что болеть может не только тело. Есть ещё такая боль, которая хранится у людей в головах. Я заметила, что после каждой неудачной попытки дедушки облегчить кому-то жизнь он брал из шкафа, что стоял в зале нашего дома, графин с янтарной жидкостью и

надолго запирался у себя в кабинете. Однажды он мне сказал: "Это эликсир от царапин в душе". Я не поняла, что значат его слова. И что такое душа, и как она может болеть?

Однажды - это было также пару лет назад, но уже позже - я вместе с мамой посетила школу моей сестры. Моя мама ушла в чей-то кабинет, а меня оставила стоять в коридоре. Я ждала её, внимательно осматривая стены, увешанные плакатами и рисунками. Но потом прозвенел недолгий звонок, и этот коридор постепенно наполнился людьми. Их было много, и я всех внимательно рассматривала. Больше всех мне запомнилась одна девушка, которая, открыв окно, что-то в него выкинула.

Я подошла поближе, чтобы посмотреть. Взрослые мальчики стали к ней приставать с расспросами, а она прятала свое лицо в ладонях. Другие девочки стали прогонять надоедливых мальчиков и твердить что-то о больном сердце. Мне стало интересно, и я сделала ещё пару шагов к ним навстречу.

Все они обсуждали одну тему, которая касалась разбитого сердца девушки, которая что-то выкинула в окно. Тогда, я не поняла значения этих слов. Да и можно ли разбить сердце? Оно ведь глубоко внутри, да ещё и форма у него такая, похожая на камешек, разве его можно разбить? Во всяком случае, такими были картинки в книгах дедушки.

Оказалось, что то, что было выкинуто - это телефон. Дрожащим голосом она произнесла: "Я пытаюсь забыть прошлое". Я тогда подумала, что было очень глупо выкидывать телефон из окна, к тому же, если она что-то хочет забыть, разве не странно, что она всем об этом рассказала?

Я запомнила эту девушку. Она сказала, что у неё болит сердце. И я поверила.

Но на самом деле все было не так. У неё ничего не болело, а тем чувством, что она пыталась спрятать, был стыд. Она сделала какую-то ошибку, и теперь ей было стыдно. У неё не могло болеть сердце, у неё не могло быть царапин на душе. Я это поняла, когда папа в очередной раз пришел с работы уставший. От него плохо пахло, и поведение его было не лучше.

Моей сестры дома не было, так же, как и бабушки с дедушкой. Они уехали куда-то отдыхать на летние выходные. Дома были только я, мама и папа. В тот вечер мой папа очень плохо себя вел и говорил много ужасных вещей. Это был первый раз, когда он поднял руку на маму. Конечно, я часто видела, как они ссорятся, но он первый раз в жизни ударил её.

Знаешь, это было невероятно больно. Два человека, которых я люблю, и риск потерять их слились воедино. Такое, наверное, носит имя "предательство". Когда мои родители говорили: "Прости, Миа, мы напугали тебя своими криками, но мы всего лишь покричали, иногда это необходимо", я верила им. Но папа ударил мою маму, которая пыталась защитить меня.

Я никогда не знала, что испытывает человек, когда с него сдирают кожу и до этой красной раны дотрагиваются, но я могу догадываться, что именно так я себя чувствовала, когда в будущем затрагивалась тема произошедшего в этот вечер. Мне хотелось спрятать эти воспоминания в себе. Никому не рассказывать и не вспоминать. Хотелось плакать, убежать, но в то же время защитить мою слабую, нежную маму.

Мои подружки постоянно говорят вещи, лишь отдаленно напоминающие истинные чувства. Среди них бывают такие: "Я чуть не потеряла ключи от машины родителей. Мне было ужасно страшно". Я смею предполагать, что это говорил не страх, а трусость. Настоящий страх я испытала

тогда, когда папа поднял руку на маму. Их ссора происходила на кухне. Я спряталась в углу. Но я четко видела окончание их брани. Папа ударил маму половником по голове, она упала, а он убежал. У неё текла кровь. Ты знаешь, что значит потерять любимого человека? Каково это - в один миг потерять доверие к самым родным? На самом деле это не описать словами...

Моя милая, добрая бабушка, которая заботилась обо мне, пока мама лежала в больнице, однажды сказала мне, что внутри моего хрупкого детского тела живет уже взрослая девушка. И правда, с тех пор мне стало тесно жить в моем теле. Я стала видеть его как сосуд. И я с нетерпением ждала дня, когда мне наконец-то станет уютно.

Но чувство теплоты не приходит и по сей день. Моя любовь и ненависть к отцу горят в моем сердце ярким огоньком. А моё сочувствие по отношению к маме периодически своей водой тушит папин огонек, чтобы он не разросся и не сжег меня заживо.

Каждый день я как на иголках в ожидании чуда. Когда-нибудь придет ведь волшебник или принц, который подарит мне покой. Его-то я и рисую в своем небольшом альбоме. Его портреты я показываю маме, бабушке и дедушке. Они взрослые люди, иногда мне кажется, что они понимают меня. Но иногда даже бабушка переоценивает свои чувства. Наверное, это все потому, что люди хотят побыстрее вновь испытать те чувства, которые им хочется. Таким образом, они, должно быть, пытаются бежать вперед по жизни. Я стараюсь идти медленным шагом и быть более терпеливой. Я все-таки только начала жить.

Скрип старых качелей смолк. Я встала. На тротуаре стояла мама. Пришло время, и она пришла за мной в школу. Перед тем как подбежать к ней и обнять, я ещё раз посмотрела на старые качели. Завтра их тут уже не будет...